

ДАРЬЯ АНДРЕЕВНА КУШНЕРЕВА

менеджер 1-й категории Института международного развития и партнерства

Национальный исследовательский Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2546-0807; Kushnereva.daria@gmail.com

МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ЖЕНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АРГЕНТИНЫ

А н н о т а ц и я . Цель исследования заключается в анализе особенностей применения метафоры как элемента политического дискурса, призванного создать образ врага в речах женщин-политиков Аргентины: Эвы Перон, Исабель Перон и Кристины Киришнер. Задача состоит в определении сходств и отличий создаваемых образов оппозиции, а также в анализе тактик и стратегий политического дискурса, реализуемых при применении метафоры. Корпус материала подбирался методом сплошной выборки, также были использованы методы количественного и качественного анализа результатов исследования, в том числе семантический, стилистический и сопоставительный. Результатом проведенного исследования стала репрезентация основных сфер-источников метафоры: «животный мир», «религия», «организм (болезнь)» и «спорт (футбол)». Цель их применения – дегуманизация и деперсонификация образа врага, сакрализация борьбы и одновременно положительная презентация борющихся политических лидеров, а также создание понятных и доступных аудитории образов. Изучение метафоры как инструмента формирования образа врага позволяет раскрыть манипулятивные техники, применяемые политическими лидерами для привлечения поддержки аудитории.

К л ю ч е в ы е с л о в а : политический дискурс, женский дискурс, образ врага, метафора, испанский язык, Эва Перон, Исабель Перон, Кристина Киришнер

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кушнерева Д. А. Метафора как языковой инструмент формирования образа врага в женском политическом дискурсе Аргентины // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 80–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1132

ВВЕДЕНИЕ

Большинство исследователей, изучающих особенности политического дискурса, сходятся во мнении, что одна из его ключевых функций – борьба за власть. По мнению Е. И. Шейгал, «политический дискурс представляет собой поле битвы между оппонентами» [12: 295]. Поскольку «битва» подразумевает существование друзей и врагов, союзников и оппонентов, становится очевидным, что оппозиция «свой – чужой» является одной из главных противостояний политического дискурса. Особый интерес при изучении создания образа врага вызывает применение метафор, поскольку метафора является одним из самых востребованных средств актуализации данной оппозиции. Как отмечает Т. В. Алиева,

«наиболее важная особенность метафоры, которая проявляется именно в политическом дискурсе, – это своего рода оценочная априорность, безапелляционность, которая в ней заложена. Метафора позволяет отбросить

логику, апеллируя к той области, в которой оценка уже закреплена и не вызывает сомнения» [2: 137].

В рамках данной работы мы ставим цель проанализировать особенности метафоры как манипулятивного риторического устройства, призванного создать образ врага в политических речах женщин-политиков Аргентины, выявить схожие и отличительные черты, а также определить, какие стратегии и тактики политического дискурса реализуются за счет применения метафоры. Изучение метафорического моделирования образа врага в политических речах поможет понять, как политические лидеры используют манипулятивные техники для достижения поддержки со стороны аудитории, что в конечном итоге позволит провести более глубокий содержательный анализ политических речей.

При проведении анализа метафоры и ее манипулятивной составляющей в качестве теоретической базы использовались работы О. И. Агафоно-

вой [1], Т. В. Алиевой [2], И. С. Воронцовой [4], Т. И. Галеевой [5], А. Е. Супруна [10], G. Lakoff, M. Johnson [16]. В качестве классификации метафор за основу взята система субсфер, слотов и фреймов, предложенная российским лингвистом А. П. Чудиновым [11]. Для анализа политической деятельности и выступлений указанных политиков, а также моделирования образа врага мы обращались к работам Д. А. Денисова [7], Н. Кристи и К. Бруун [9], S. Bianchi [14], I. Camacho Markina и M. T. Santos Diez [15].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для данного исследования послужили речи Эвы Перон, произнесенные в период с 1947 по 1952 год, Исабель Перон с 1974 по 1976 год и Кристины Киршнер с 2012 по 2016 год. Всего было проанализировано 47 речей.

Эва Перон и Исабель Перон – вторая и третья супруги бывшего президента Аргентины Хуана Доминго Перона. Хотя Эва Перон никогда не занимала государственных должностей, она вела очень активную политическую деятельность, став «духовным лидером нации». Исабель Перон не удалось завоевать ту любовь народа, которая вызывала в сердцах людей Эва Перон, однако она стала первой женщиной-президентом не только в своей стране, но и в мире. Кристина Фернандес де Киршнер – первая женщина-президент Аргентины, избранная путем голосования. Вместе с супругом Нестором Киршнером она разработала политическое движение с перонистской ориентацией, получившее впоследствии название *киршнеризм* [15]. Кристина Киршнер дважды занимала пост президента своей страны.

Для достижения цели исследования был проведен лингвистический анализ вышеупомянутых речей. Материал подбирался методом сплошной выборки. Методологической основой послужили методы количественного и качественного анализа результатов, а также семантический, стилистический и сопоставительный методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Зооморфная метафора. Данный тип метафоры является одним из самых популярных при создании оппозиции. По мнению О. И. Агафоновой, такая популярность образов объясняется понятностью и близостью их значений аудитории: «...животные сосуществуют с людьми на протяжении долгого времени и, обращаясь к их словесным характеристикам, человек мо-

жет почти стопроцентно рассчитывать “правильное” понимание создаваемого им образа» [1: 83]. Зооморфные метафоры – чрезвычайно продуктивный ресурс для описания человеческих качеств, не только физических, но и нравственных. Мы понимаем и объясняем поведение и характер человека с точки зрения поведения животных [16]. Благодаря тому что абстрактные понятия могут быть интерпретированы через конкретные объекты, становится возможным донести до адресата информацию в упрощенном виде, эта способность «наделяет метафорическую модель огромным персуазивным потенциалом и скрытым содержанием» [4: 86]. Враги перонистов предстают в речах Эвы Перон в образе змей, жаб или насекомых, то есть тех животных, которые вызывают у большинства людей страх, брезгливость или отвращение:

«...*contra la opresión de los traidores de adentro y de afuera, que en la oscuridad de la noche quieren dejar el veneno de sus víboras en el alma y en el cuerpo de Perón, que es el alma y el cuerpo de la patria*» (...против угнетения предателями как внутри страны, так и за ее пределами, которые во мраке ночи **хотят отравить змеиным ядом душу и тело Перона**, который и есть душа и тело страны (Здесь и далее перевод наш. – Д. К.)) (Eva Perón, 1952)¹.

«*Yo le pido a Dios que no permita a esos insectos levantar la mano contra Perón, porque ¡guay de ese día!*» (Я прошу Бога не позволить этим **насекомым** поднять руку на Перона, потому что это необыкновенный день!) (Eva Perón, 1952).

Помимо тактики «анализ – минус» зооморфная метафора одновременно может применяться с целью реализации тактики презентации, поскольку дискредитация оппозиции выгодно оттеняет положительный образ перонистов и их последователей. В результате создается метафорическая оппозиция: «жабам» и «гадюкам» противостоят «соловьи» и «кондоры»:

«*Pero no lo conseguirán como no han conseguido jamás la envidia de los sapos acallar el canto de los ruiseñores, ni las víboras detener el vuelo de los cóndores*» (Но им это не удастся, как зависти **жаб** никогда не удавалось заставить **соловьев** прекратить свое пение, а **гадюкам** не удавалось остановить **полет кондоров**) (Eva Perón, 1952).

Зооморфная метафора становится главным инструментом создания «врага» в речах современного политика Кристины Киршнер. Однако в отличие от вариативности образов, представленных в речах Эвы Перон, Кристина Киршнер сосредоточивается преимущественно на одном – «стервятниках». В данном случае персуазивный ресурс метафорического воздей-

ствия реализуется благодаря фиксации готового эмоционального образа и постоянного повторения его в разных ситуациях. Через повторы установленная идея («враги-стервятники») настолько прочно закрепляется в сознании аудитории, что в итоге воспринимается как неоспоримая истина. Помимо стервятников Киришнер также упоминает птиц со схожей формой существования – каракара или каранча. Это крупный представитель семейства соколиных, который помимо охоты поедает падаль или отбирает добычу у других птиц. В Аргентине *carancho* приобретает переносный смысл и означает людей, которым нечего терять и которые способны получить выгоду из любого дела. Данный термин также используется для обозначения юриста, который мошенничает в отношении жертв несчастных случаев и страховых компаний. В результате через зооморфную метафору происходит дегуманизация образа врага [3]:

«Realmente estos buitres están perdiendo algunas plumas. ¿Y saben qué? Me parece que van a terminar siendo un cachivache más que buitres, un verdadero cachivache». (На самом деле эти стервятники теряют перья. И знаете что? Мне кажется, что в итоге эти стервятники превратятся в хлам, станут настоящим мусором) (Cristina Kirchner, 2014).

«Acá no había sirenas, allá había buitres y allá había unos caranchos que graznaban y no escuchamos a ninguno, sino que escuchamos el clamor de nuestro pueblo...» (Здесь не было сирен, здесь были каркающие стервятники и каранчо, но мы не слушали их, мы слышали крик нашего народа...) (Cristina Kirchner, 2013).

Помимо номинаций животных, в метафорическом моделировании образа врага у аргентинских политиков используются такие фреймы, как «части тела животных», «места обитания» и «агрессивные действия»:

«...esos hombres y mujeres sufrientes y trabajadores los primeros en apoyar al coronel del pueblo hasta rescatarlo de las garras de la oligarquía» (...эти страдающие и трудолюбивые мужчины и женщины первыми поддержали народного полковника, вызволив его из лап олигархов) (Eva Perón, 1948).

«Saben también que la oligarquía, que los mediocres, que los vendepatrias todavía no están derrotados, y que desde sus guaridas atentan contra el pueblo y contra la nacionalidad» (Вы знаете также, что эти ничтожные олигархи-предатели еще не побеждены и что из своего логова они пытаются напасть на народ и страну) (Eva Perón, 1951).

«No, no son cantos de sirenas, las sirenas son más lindas, cantan más lindo, son graznidos de carancho y graznidos de buitres» (Нет, это не песни сирен, сирены красивее, они поют красивее, а это карканье каранчо и крики стервятников) (Cristina Kirchner, 2014).

В речах аргентинских политиков метафорические образы таких животных, как змеи, жабы, насекомые или стервятники, призваны вызвать у аудитории крайнюю неприязнь и чувство страха, а также ощущение угрозы, поскольку данные виды традиционно провоцируют у человека фобии или, как минимум, крайне негативные чувства.

Религиозная метафора. Данные случаи могут быть рассмотрены как проявление «магической» или «заклинательной» функции политического дискурса. По мнению А. Е. Супруна, это частный случай, при котором адресатом выступают не люди, а высшие силы [10]. Заклинательная функция становится ключевой для дискурса Эвы и Исабель Перон, поскольку перонизм в глазах его создателей должен был стать новой религией для аргентинцев [14], а потому ценности и образы лидеров окружались ореолом святости: политическое движение перонистов представляется как доктрина, а Перон – избранный Богом лидер, учитель и апостол. Таким образом, попытка навредить Перону воспринимается как посягательство на святое, а выражающая отличное мнение оппозиция предстает как «лжеапостолы» или «лжепророки»:

«La maniobra contra el pueblo, contra la mujer, aumentó nuestra fe. <...> Así se arrancó la máscara a los falsos apóstoles, para poner punto final a la comedia antidemocrática» (Действия против народа, против женщины укрепили нашу веру. <...> Таким образом, были сорваны маски лжеапостолов, чтобы положить конец антидемократической комедии) (Eva Perón, 1947).

«Los tan conocidos y aprovechados profetas de desastres se apresuran a proclamar que todo ello no es sino el resultado de nuestra obra y que solo su retorno podrá salvar a la república» (Так хорошо нам известные локкие пророки бедствий сразу же заявляют, что все это – лишь результат нашей работы и что только их возвращение может спасти республику) (Isabel Perón, 1976).

Еще один метафорический образ, который в данной работе мы относим к религиозной метафоре, это «темные силы» или «великое зло», которым противостоят правительство и народ Аргентины:

«...no renunciamos a nuestro porvenir y lo sabemos amplio y venturoso... sin que sean capaces de impedirlo todos los obstáculos que interpongan en nuestro camino los poderes oscuros de la tierra y los enemigos de nuestro despertar nacional» (...мы не отказываемся от нашего счастливого и безграничного будущего... неважно, какие препятствия будут чинить на нашем пути темные силы земли и враги нашего национального пробуждения) (Eva Perón, 1949).

«*Combatiremos con decisión todos los grandes males que a diario atentan contra la nacionalidad, desde la guerrilla hasta la inmoralidad*» (Мы будем решительно бороться со всем великим злом, которое ежедневно нападает на наш народ, от партизанской войны до проявлений аморальности) (Isabel Perón, 1975).

Разделение политической конъюнктуры на своих и чужих тесно связано с оппозицией добра и зла, что сближает политический и религиозный дискурсы [8]. Метафорическое представление оппозиции как «великого зла» удачно для политиков, поскольку «использование элементов религиозного дискурса в политическом имеет целью смещение центра принятия решений с логического основания на морально-этическое» [6: 53]. Иными словами, такой враг провоцирует коллективный страх, и создается впечатление, что только политический лидер, обладающий достаточной силой и мужеством, способен победить его, а борьба с таким врагом становится сакральным делом не только политика, но и поддерживающих его граждан.

Для образа зла характерно полное отсутствие идентичности. Рассуждая о ключевых признаках «идеального врага» с точки зрения власти, скандинавские исследователи Н. Кристи и К. Бруун указывают, что удобный враг – это тот, кто никогда не умирает [9], а его бессмертия можно добиться, «максимально размывая и деперсонифицируя его образ» [7: 120]. Это приводит к выводу о том, что отсутствие идентичности выгодно для политиков, поскольку при исчезновении по каким-то причинам одного врага его место может занять другой.

Кристина Киршнер реже обращается к религиозным образам для характеристики оппозиции. Ее образ «мессии» не характеризует напрямую оппозицию, как в речах Эвы и Исабель Перон, но, реализуя тактику безличного обвинения, косвенно подрывает к ней доверие аудитории, заставляя усомниться в честности и правильности их действий:

«...no esperen salvadores ni mesías. Vendrá un mesías el día del juicio final pero no va entrar a este edificio, estoy segura» (Не ждите спасителей или мессий. Если и придет мессия в судный день, я уверена – он не войдет в это здание (В здание суда, где проходил суд над Кристиной Киршнер. – Д. К.)) (Cristina Kirchner, 2016).

Морбиальная метафора. Морбиальная метафора активно используется только в речах Исабель Перон. По мнению Т. И. Галеевой, данный тип метафоры

«представляется одним из значимых способов категоризации, концептуализации и оценки действи-

тельности в современных политических текстах. <...> Согласно любой медицинской энциклопедии или иному источнику, так или иначе имеющему отношение к медицине, мы знаем, что в болезни существует определенный раздражитель, который, с одной стороны, повреждает здоровую систему, а с другой – вырабатывает защитные функции организма. В связи с этим болезни свойственно существование двух взаимосвязанных категориальных процессов – повреждение и защита» [5: 96].

Еще одно важное концептуальное направление морбиальной метафоры – «отклонение от естественного порядка вещей, представления о неправильности и недопустимости существующего положения» [11: 68]. В речах Исабель Перон оппозиция, действующая в своих интересах, но не в интересах народа, становится тем самым «раздражителем», наносящим ущерб «здоровому организму»:

«*Esa es la grieta por la cual el precioso contenido común se derrama y por donde penetran los agentes que disocian y paralizan provocando la enfermedad en el organismo nacional*» (Это трещина, через которую разливается драгоценное общее содержание и через которую проникают диссоциирующие и парализующие агенты, вызывающая болезни в национальном организме) (Isabel Perón, 1975).

Спортивная метафора. Данный тип метафоры широко представлен в речах Кристины Киршнер преимущественно футбольной тематикой. По мнению Н. Бермудеса, футбол заметно преобладает над другими спортивными дисциплинами в Аргентине благодаря своей культурной вездесущности [13]; простота и неизменность его правил позволяют оратору сформировать четкие и ясные образы для аудитории. Так, под образом «несправедливого арбитра» угадываются враждебные для страны и президента лица, а под «игроками» – Аргентина или сама Киршнер и ее последователи:

«*Realmente siempre estamos en la cancha, y vamos a seguir saliendo a la cancha, aunque algún árbitro nos quiera bombear*» (Мы действительно всегда выходим на поле и собираемся продолжать делать это, даже если какой-то арбитр захочет нас засудить) (Cristina Kirchner, 2014).

Через футбольную метафору Киршнер также удается выгодно подчеркнуть свой образ на фоне других атакующих ее «игроков», «нечестного арбитра» и принятой системы нарушений в футболе, реализуя при этом тактики безличного обвинения и неявной самопрезентации:

«*Yo puedo ser la arquera porque, la verdad, es que me tiran tiros... me tiran, ya que estamos en clima mundialista, me tiran penales, tiros libres, me tocan con la mano, tengo*

el árbitro... los árbitros nos bombean, cada dos por tres nos pegan unos bomberazos terribles... Pero acá estamos, atajando los goles, los penales...» (Я могу быть вратарем, потому что, по правде говоря, они атакуют меня... они атакуют меня, поскольку мы на чемпионате мира, они забывают мне пенальти, штрафные удары, они задевают меня руками, у меня есть арбитр... но этот арбитр засуживает нас, однако мы все еще здесь – спасаем голы, отбиваем пенальти...) (Cristina Kirchner, 2014).

Благодаря спортивной метафоре Кишнер выражает пренебрежение к другим игрокам-оппонентам, не обладающим той властью, в которой они заверяют, реализуя при этом тактики обличения и иронизирования:

«...pero nos vamos a sentar en la mesa con los verdaderos dueños de la pelota a discutirla, no con los que aparecen...» (...но мы сядем за стол переговоров только с истинными хозяевами мяча, а не с теми, кто таким только кажется...) (Cristina Kirchner, 2013).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафора – это средство конструирования новой реальности, поскольку, выполняя важную персуазивную функцию, данный риторический прием провоцирует сильные эмоциональные реакции, которые могут поставить одно восприятие действительности выше другого.

С целью моделирования образа врага женщины-политики Аргентины используют следующие виды метафор: зооморфные, религиозные, морбиальные и спортивные. Образ врага успешно применяется для манипулирования общественным сознанием, поскольку ощущение опасности пробуждает такие чувства со стороны аудитории, как страх, враждебность, неприязнь, агрессия и ненависть. Это происходит в том числе за счет зооморфной метафоры – применения номинаций животных, традиционно вызывающих сильную неприязнь со стороны человека (жабы, змеи, стервятники). Религиозные метафоры служат усилению смысловой нагрузки высказываний, возвышая статус борьбы с врагами и сакрализуя борющихся с ними лидеров. Морбиальная метафора представляет ситуацию в стране в образе больного организма, неспособного к нормальному существованию из-за проблем, спровоцированных действиями оппозиции, а сами эти проблемы осмысляются как заболевания. Метафора спорта с уклоном в футбольную тематику апеллирует к хорошо знакомым образам соперников и нечестных судей, тем самым формируя четкое и понятное представление о ситуации у аргентинской аудитории.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее цитаты из речей политиков взяты из следующих аргентинских онлайн-архивов: Archivo Peronista (<https://archivoperonista.com/>), Casa Rosada (<https://www.casarosada.gob.ar/>), El historiador (<https://elhistoriador.com.ar/>), Prisma Archivo Histórico (<https://www.archivorta.com.ar/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова О. И. Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 6 (101). С. 82–88.
2. Алиева Т. В. Метафора как средство актуализации концепта «чужой» в британском политическом дискурсе // МАГИЯ ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: Материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). М., 2015. Т. 1. С. 137–141.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ // Язык и культура. 2022. № 60. С. 8–21. DOI: 10.17223/19996195/60/1
4. Воронцова И. С. Концептуальная метафора в аргентинском политическом дискурсе (на примере выступления президента Аргентины К. Фернандес де Кишнер на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Ибероамериканские тетради. 2019. № 1. С. 80–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2019-1-80-88
5. Галеева Т. И., Казиахмедова С. Х., Богатырева С. Н. Морбиальная метафора как способ осмысления концепта «терроризм» в политическом дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26, № 3. С. 93–101.
6. Давтян Ю. В., Крюкова Е. В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204
7. Денисов Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2009. № 1. С. 113–126.
8. Кожемякин Е. А. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 2 (97). Вып. 15. С. 32–47.

9. Кристи Н., Бруун К. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / Пер. с норв. А. Турунтаевой. М.: ООО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2004. 272 с.
10. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск: Белорусский фонд Сороса, 1996. 287 с.
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург, 2001. 238 с.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
13. Bermúdez N. Emociones deportivas y discurso político. El caso del macrismo // AVATARES de la comunicación y la cultura. 2014. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publicaciones sociales.uba.ar/index.php/avatars/article/view/4816/3948> (дата обращения 08.03.2024).
14. Bianchi S. Catolicismo y peronismo: la religión como campo de conflicto (Argentina, 1945–1955) // Boletín Americanista. 1994. № 44. P. 25–37.
15. Samacho Markina I., Santos Diez M. T. La estrategia comunicativa en los discursos de toma de posesión de Cristina Fernández de Kirchner // Perspectivas De La Comunicación. 2020. Vol. 13 (2). P. 187–217. DOI: 10.4067/S0718-48672020000200187
16. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Поступила в редакцию 18.03.2024; принята к публикации 02.12.2024

Original article

Daria A. Kushnereva, First-Category Manager, Institute of International Development and Partnership, ITMO National Research University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2546-0807; Kushnereva.daria@gmail.com

METAPHOR AS A LANGUAGE INSTRUMENT FOR SHAPING AN ENEMY IMAGE IN WOMEN'S POLITICAL DISCOURSE IN ARGENTINA

Abstract. The aim of the study was to analyze the specific features of the use of metaphor as an element of political discourse designed to shape the image of an enemy in the speeches of female politicians in Argentina, namely Eva Peron, Isabel Peron, and Cristina Kirchner. The key tasks of the study were to determine the similarities and differences between the created images of the opposition, as well as to analyze the tactics and strategies of political discourse implemented when using the metaphors. The corpus of material was selected using a continuous sampling method; the methods of quantitative and qualitative analysis of the research results were also used, including semantic, stylistic, and comparative methods. The result of the study is a representation of the source domains of the metaphor: “animal world”, “religion”, “organism (disease)” and “sports (football)”. The purpose of their use is the dehumanization and de-personification of the enemy's image, the sacralization of the struggle, and a positive presentation of struggling political leaders, as well as the creation of images that are understandable and accessible to the audience. The study of metaphor as an instrument for shaping the image of an enemy allows us to reveal the manipulative techniques used by political leaders to attract audience support.

Keywords: political discourse, female discourse, image of an enemy, metaphor, Spanish language, Eva Peron, Isabel Peron, Cristina Kirchner

For citation: Kushnereva, D. A. Metaphor as a language instrument for shaping an enemy image in women's political discourse in Argentina. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):80–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1132

REFERENCES

1. Agafonova, O. I. Use of metaphors with zoomorphic components in English-language political discourse. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology, Journalism, Pedagogy, Psychology*. 2011;6(101):82–88. (In Russ.)
2. Alieva, T. V. Metaphors as representation of the concept “they” in the British Political Discourse. *The magic of innovation: new trends in language research and language teaching methods: Proceedings of the second research and practice conference*. Moscow, 2015. Vol. 1. P. 137–141. (In Russ.)
3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. Zoomorphic metaphors as a means of dehumanization the image of the Belarusian police in the Russian media. *Language and Culture*. 2022;60:8–21. DOI: 10.17223/19996195/60/1 (In Russ.)

4. Vorontsova, I. S. Conceptual metaphor in Argentinian political discourse (based on the speech of the Argentinean President (2007–2015) C. Fernández de Kirchner during the 69th session of the UN General Assembly). *Cuadernos Iberoamericanos*. 2019;(1):80–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2019-1-80-88 (In Russ.)
5. Galeeva, T. I., Kaziakhmedova, S. H., Bogatyreva, S. N. Morbial metaphor as a way to conceptualize “terrorism” in political discourse. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2016;26(3):93–101. (In Russ.)
6. Davtyan, Yu. V., Kryukova, E. V. Religious conceptual sphere in the modern political discourse of Latin America. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2022;22(5):51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204 (In Russ.)
7. Denisov, D. A. Identification of the enemy’s image in political communication. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2009;1:113–126. (In Russ.)
8. Kozhemyakin, E. A. Religious discourse: research methodology. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy, Sociology, Law*. 2011;2(97-15):32–47. (In Russ.)
9. Christie, N., Bruun, K. A convenient enemy: drug policies in Nordic countries. Moscow, 2004. 272 p. (In Russ.)
10. Suprun, A. E. Lectures on the theory of speech activity. Minsk, 1996. 287 p. (In Russ.)
11. Chudinov, A. P. Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991–2000). Yekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.)
12. Sheigal, E. I. Semiotics of political discourse: Diss. Dr. Sc. (Philology). Volgograd, 2000. 431 p. (In Russ.)
13. Bermúdez, N. Emociones deportivas y discurso político. El caso del macrismo. *AVATARES de la comunicación y la cultura*. 2014;8. Available at: <https://publicaciones.sociales.uba.ar/index.php/avatares/article/view/4816/3948> (accessed 08.03.2024).
14. Bianchi, S. Catolicismo y peronismo: la religión como campo de conflicto (Argentina, 1945–1955). *Boletín Americanista*. 1994;44:25–37.
15. Camacho Markina, I., Santos Diez, M. T. La estrategia comunicativa en los discursos de toma de posesión de Cristina Fernández de Kirchner. *Perspectivas De La Comunicación*. 2020;13(2):187–217. DOI: 10.4067/S0718-48672020000200187
16. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980. 242 p.

Received: 18 March 2024; accepted: 2 December 2024